

ФИЛОСОФИЯ*(специальность: 09.00.11)*

УДК 101

Н.Л. Вигель, Г.Н. Шаповал, Е.А. Карташова*Ростовский государственный медицинский университет**г. Ростов-на-Дону, Россия**redaction-el@mail.ru***ГОЛОС КАК КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА*****[Narine L. Vigel, Galina N. Shapoval, Elena A. Kartashova******Voice as a cultural practice]***

It is considered a topical problem of voice as a cultural practice. In western culture voice was regarded as a mostly symbolic phenomenon possessing metaphysical properties. Voice is in demand as a central metaphor in criticism of dominating factors of presentation, for example, usage of tropes and voice versus silence, used to present gender and/or race relations of power. In this respect voice remains disembodied – videocentrism of voice. Researches of voice by Derrida result in the idea that voice has become the carrier of identity or self which is revealed in the concept of writing as a derivative of speech – phonocentrism of voice. Occlusion (of sound) which sometimes happens for the sake of deconstruction of phonocentrism, always takes place in the traditional frames of logocentrism with a paradoxical phonocentric deafness in its base.

Key words: voice, sound, culture, videocentrism, phonocentrism, vocal body, weight of symbolic.

«...ГОЛОС ДОЛЖЕН БЫТЬ ЗАБЫТ В СВОЕЙ МАТЕРИАЛЬНОСТИ;
ТОЛЬКО ЭТОЙ ЦЕНОЙ ОН ВЫПОЛНЯЕТ СВОЮ ОСНОВНУЮ ФУНКЦИЮ»

Мишель Шион

«Звук – это маленький кусочек вибрирующего мира».

Джонатан Стерн

Голос играет жизненно важную роль в изучении взаимодействия человека как представителя природы и общества со всеми компонентами окружающей среды, поскольку он имеет как природную, так и культурную ценность. Между телом и голосом существует непосредственная связь, так как голос од-

новременно исходит из тела и вплетается во внешнюю среду, существуя в сложном взаимодействии с многочисленными физическими формами и социокультурными феноменами. Однако интерес к изучению роли голоса как такового в культурном пространстве возник сравнительно недавно [1; 3; 4]. Несмотря на то, что целый ряд ученых различных сфер научного знания, таких как антропология, киноведение, лингвистика, литература, музыковедение, перформанс-исследования и философия, прокомментировали конституцию голоса как совокупность особенностей, сложившихся из наследственных и приобретенных свойств, (включая Дункана, Эйдсхайма, Очоа Готье, Креймана и Сидтиса, Сундберга, Лабелля, Батлера, Фельдмана, Дэвиса и Коннора) и роль вокала в культуре и обществе (включая Хион, Кавареро, Коннора, Харкнесса, Хиршкинда, Онга и Вайдмана), и, несмотря на то, что некоторые из этих трудов оказали влияние на гуманитарные и социальные науки (в том числе труды Деррида, Хиона), исследования голоса до сих пор представляют собой спорную и дискурсивную тему.

В отечественной мысли исследованиями голоса занимается О. Булгакова [2], которая пишет о том, что голос – наш медиум для передачи языковых сообщений – входит в круг смысловых феноменов. Но одновременно это и феномен звучания, чье воздействие идет помимо смысла, за пределами языка. Интонация, вибрация, тембр, крик, (при)дыхание делают смысл и звучание неразделимыми, и часто звучание – интонация – (под)меняет смысл сказанного. В этом положении между языковым высказыванием и фонетическим актом звучания, между логосом и чувством, между тем, что воспринимается рассудком, и тем, что воспринимается физиогномически и может поколебать смысл высказывания, скрыты противоречия, связанные с голосом, феноменом парадоксальным [5].

В то время как дебаты о материальности звука и его влиянии на культурную, социальную и политическую сферы (в том числе Аттали, Гудмена и Стерна) объединились в развивающуюся область исследований звука, дискурс о голосе остается открытым и все более актуализирующимся. В исследованиях звука феномен вокальности и условия озвучивания остались незатронутыми. Если человеческое слушание действительно «вокоцентрично» – как настойчиво утверждает один из выдающихся авторов по голосу, киновед Мишель Чион, – почему множество теоретических научных работ о голосе не находит своего практического воплощения [9].

Как бы парадоксально это ни звучало, довольно неуловимое место голоса в академическом дискурсе может быть следствием его центральной роли и сложной функции, сформированной пересечением материального и метафорического, представленного в западной культуре и обществе. Таким образом, те области знания, которые исследуют голос, обычно делятся на два направления исследования: голос как символ и объективно-материалистическое направление в исследовании голоса. С одной стороны, то, что можно считать объективно-материалистическим исследованием голоса, включает в себя медицину (для диагностических и терапевтических целей); физиологию (для понимания ее функции в организме); и инженерии (например, чтобы объяснить такие аспекты голоса как ткани, вибрации и воздушные потоки). С другой стороны, особая конфигурация голоса как носителя «я» в западной культуре превратила его в объект философского и социокультурного теоретического исследования, которое часто сводило на нет его материальность, создавая эффект веса символического.

Традиционно в философских и социокультурных теоретических исследованиях западной культуры голос рассматривался преимущественно как символическое явление, обладающее метафизическими качествами. Голос был востребован в качестве центральной метафоры в критике доминирующих факторов представления в культуре – например, в использовании тропов речи и голоса в оппозиции с молчанием, развернутых для представления гендерных и/или расовых отношений политики власти. В таком философско-культурологическом аспекте голос остается бестелесным. Феномен бестелесности голоса возникает из особенности западного мышления, которое является «видеоцентрическим», «лишает голос собственного смысла». Исследования Кавареро [10] являются частью научно-теоретического осмысления визуального в западной культуре, где основной философский дискурс систематически представляет способы познания и бытия через метафоры видения, которые варьируются от повседневных терминов, таких как «озарение», до философского понятия просветления.

Даже мощная критика логоцентризма метафизической традиции мышления в грамматике Жака Дерриды не может избежать «девокализации» голоса. Критический неологизм, по мнению Дерриды, – это фоноцентризм, когда привилегирование речи над письмом в метафизической традиции, приближается к голо-

су. Деррида утверждает, что голос стал носителем самости или идентичности, которая выражается в концепции письма как производной речи; в то время как речь стирает процесс означивания через предположение об отношении Голоса к себе, притворяясь «абсолютной близостью», которую он называет «авто-привязанностью». Деррида превращает стирание означающего в голосе в переживание иллюзии, ставшее условием самой идеи истины. Любопытно, что его разоблачение иллюзии самосущности западного субъекта признает (по крайней мере неявно) материальность голоса как условия речи, чтобы снова стереть ее.

Кавареро утверждает, что речь в критике фоноцентризма Дерриды фигурирует исключительно как мысль. Она утверждает, что голос, связанный со временем, представлен как акустический означающий, который более или менее свернут с означаемым, следовательно, создавая иллюзию присутствия, в то время как письмо кажется Дерриде «подрывным», потому что его пространственная организация «подрывает» абсолютную идентификацию означающего и означаемого. Эта привилегия письма связывает обращение Дерриды к истории логоцентризма-как-видеоцентризма. В том же духе Фред Мотен обнаруживает в сочинении Дерриды «окклюзию (звука), которая иногда происходит во имя деконструкции фоноцентризма и всегда в рамках традиции логоцентризма, в основе которой лежит парадоксально фоноцентрическая глухота». Более того, подход Дерриды сводит возможности технологий воспроизведения звука, таких как фонограф, и их нарушение присутствия субъекта в речи к сфере простого означивания.

Обращение Дерриды к голосу является лишь одним из примеров ряда влиятельных гуманитарных дискурсов, которые используют голос как метафору [6] или теоретизируют вокальные акты для решения более широких социальных, политических или культурных вопросов, но игнорируют звуковой аспект голоса. Другие примеры девокализации можно найти в понятии интерпелляции Альтюссера; в развертывании исповеди или парресии Фуко; и в феминистских аргументах о гендерно-властных отношениях, которые отождествляют голос с агентией и властью, а молчание с бессилием, таких как Спивак или Шоуолтер. Названные работы указывают на актуальность вопроса о голосе как средстве для гуманитарных наук, но они (работы) также быстро вытесняют материальный аспект голоса, тем самым сохраняя лингвистическую парадигму как парадигму мышления речи.

Таким образом, слушание и размышление о голосе, прежде всего как о материальной практике не освобождает нас от бремени символического. На самом деле диссонанс между материальным и метафорическим измерениями вокала должно служить условием возможности продуктивного разговора о голосе. Вес символического в вокале и его тесная связь с самостью как интериорностью потенциально отмечают принципиальные различия между дискурсом о голосе и недавно появившейся областью исследований звука, которая возникла из явно-го интереса к звуку, то есть материальности звука и его технологий. Это не значит, что звук как таковой лишен символического измерения. Напротив, исследование истории понятий резонанса, проведенное Вейтом Эрльманом, является единственным исследованием, демонстрирующим метафорическое богатство феномена резонанса в западной культуре, и способы, с помощью которых мышление понималось как существующее в отсутствие резонанса. Однако изучение звука было задумано как область, ставящая материальность на первое место [7; 8]. Исходя из этого, мы подходим к вопросам голоса через изучение звука: то есть мы явно обращаемся к способам, в которых символическое, материальное и культурное взаимопереплетаются и сосуществуют вместе.

Для исследования голоса как культурно произведенной материальной сущности и для того, чтобы избежать разделения материального и символического, воспользуемся междисциплинарным подходом, который в сочетании перформативных и эмпирических методологий вместе с соответствующей теорией научных исследований смогут трансформировать один тип слушания в другой – скажем, применение культуры слушания клиницистов к практикам [11], которые обычно считаются эстетическими, например, опера.

Рассматривая продуктивное взаимодействие и даже напряжение между голосом как звуком и материалом и голосом как символом, не оспаривается дискурсивная роль голоса. Понятие голоса как дискурсивности неотделимо от вокальности, указывая на то, каким образом конструируется дискурс и конституируется вокальными исполнениями. Неотделимо от вокальности слушание голоса – будь то в форме автослушания (Эйдсхайм); коллективное или общинное слушание (Касуник, Шлихтер); педагогическое слушание (Эйдсхайм, Касуник, Шлихтер, Маршалл, Булут) или опосредованное слушание массовой аудитории (Кинни), которое также понимается как тип «диагностического слушания», как отметил Касуник. Действительно, диагностика

может не только обратиться к тому, что воспроизводит голоса, но может также исследовать, чем обусловлен тип слушания, который мог бы осуществить такую оценку, т.е. то, что Эйдсхайм определяет как «слушание слушания». Обращаясь к тому, как дискурсивность формировалась и поддерживалась материальным отношением к голосу, анализ голоса как культурного феномена переплетается исследованиями из различных областей культуры, включая сферы кино и медиа, теорию литературы, музыковедение, критическую теорию, исследования инвалидности, психоанализ, композиционные исследования и риторику, гендерные и квир-исследования, драматургию и перформанс, а также историю культуры звука и его технологий.

Вопрос о соотношении голоса и человеческого тела занимает центральное место в исследованиях различных историй, идеологий и эпистемологий голоса на Западе. Как певица и педагог по вокалу, музыковед Нина Сунь Эйдсхайм рассматривает не только звучание голоса, но и материальную, культурную практику вокального тембрального формирования. В частности, она предложила методологию, которая осуществляется через интерпретацию слушателями голосов и сопутствующие формальные (уроки голоса) и неформальные (признание и принятие) педагогические практики, которые являются сюжетами интерпретаций. Однако вместо того, чтобы критиковать людей, которые поддерживают расовое слушание и материализуют его неформальным и формальным обучением голоса, она отмечает, что именно более широкое понимание звука и голоса способствует более общему вслушиванию в различия, и предполагает, что для преодоления этих тенденций требуется исследование слушания в контексте развития знаний о микрополитике вокального тембра.

Музыковед Давид Касуник также занимается педагогикой слушания. Благодаря введению математической теории гармонического анализа Жозефа Фурье, транскрипции туберкулезных голосов Рене Леннека и физиологии голоса Мануэля Гарсиа пересматривается вопрос о месте пения. Рассматривая современные описания и культурные практики, связанные с туберкулезным голосом, как выполняемые через, казалось бы, несопоставимые практики – медицину, литературу, музыкальную грамоту, вокальное и инструментальное письмо, – Касуник предлагает взаимосвязанные стратегии слушания Парижа середины XIX в. в частности, релевантность туберкулезного пения (как символа смерти) для смысла слушания в современности.

Рассматривая экспериментальную музыку и глухое исполнение через теоретические рамки исследований инвалидности и психоанализа, теоретик и музыковед Зейнеп Булут проливает свет на новые перспективы предполагаемых пределов слуха и молчания. Булут рассматривает вокальные композиции «Фонофония» Маурисио Кагеля и «Лекция ни о чем» Джона Кейджа. Рассматривая эти предполагаемые границы через недавние постановки знакомого репертуара художественной музыки XX в., Булут утверждает, что вокальные композиции дополнительно указывают на расширенные границы голоса и речи, одновременно демонстрируя перформативный язык.

Эссе американского исследователя и киноведа Кэтрин Кинни «резонанс голоса Брандо» посвящено вокальному телу в кино. Используя современные теории актерского мастерства в кино и на сцене, она исследует роль голоса в американской актерской игре, слушая разговорный звук Марлона Брандо: от завывания Стэнли в Трамвае «Желание» до приглушенного хрипа Крестного отца. Для Кинни голос Брандо, который звучит так непохоже на голоса в голливудской традиции ведущих актеров, резонирует с социальным и политическим смыслом. Она утверждает, что его голос одновременно воплощает натуралистические тенденции «метода» и выдвигает на первый план его собственную конструкцию, иллюстрируя центральное противоречие в мужском американском актерстве и нормах мужественности его времени.

Таким образом, исследование голоса как культурной практики предусматривает междисциплинарный подход, сочетающий не только культурное, символическое, но объективно-материалистическое изучение голоса, сравнение его со звуком, речью и мышлением, что непосредственно находит свое воплощение в культуре в качестве видеоцентризма, фоноцентризма, логоцентризма.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Алоян Н.Л.* Категория трагедии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 2. С. 80–82.
2. *Булгакова О.* Голос как культурный феномен. М.: Изд-во Arday Литагент «НЛО», 2015.
3. *Вигель Н.Л.* Человек в культуре постмодерна // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 2. С. 114–117.

4. *Вигель Н.Л.* Проблема диалога культур в современности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 4. С. 100–104.
5. *Карташова Е.А., Шаповал Г.Н.* Этика ответственности за сохранение жизни: общечеловеческий и философский аспекты биоэтики // Современные исследования в сфере социальных и гуманитарных наук. Сборник результатов научных исследований. Киров, 2018. С. 383–387.
6. *Шаповал Г.Н.* Образы зла в художественной культуре // Дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2002.
7. *Ageeva N.A., Shapoval G.N., Vlasova V.N., Kartashova E.A., Safronenko A.V., Sidorenko Yu.A.* High level of legal awareness formation in medical students. Way from competencies to competence // *Espacios*. 2019. Т. 40. № 9. С. 11.
8. *Ageeva N.A., Wiegel N.L., Shapoval G.N.* Semantic algorithms of bioethics // *Bioethics*. 2019. № 2 (24). С. 6–11.
9. *Chion, Michel, Claudia Gorbman, and Walter Murch.* Audio-Vision: Sound on Screen. New York: Columbia UP, 1994. Print.
10. *Cavarero, Adriana.* For More Than One Voice: Toward a Philosophy of Vocal Expression / Trans. Paul A. Kottman. Stanford: Stanford UP, 2005. Print.
11. *Kartashova E.A.* Philosophic base of bioethics // Современные проблемы экономики и общества. Сборник научных статей, посвященный 20-летию памяти В.В. Леонтьева. Волгоград, 2019. С. 26–29.

R E F E R E N C E S

1. *Aloyan N.L.* Category of tragedy // Humanities and socio-economic sciences. 2008. No. 2. P. 80–82.
2. *Bulgakova O.* Voice as a cultural phenomenon. М.: Publishing house Array Litagent UFO, 2015.
3. *Vigel N.L.* Man in the culture of postmodernism // Economic and humanitarian studies of regions. 2015. No. 2. P. 114–117.
4. *Vigel N.L.* The problem of the dialogue of cultures in modern times // Economic and humanitarian studies of regions. 2015. No. 4. P. 100–104.

5. *Kartashova E.A., Shapoval G.N.* Ethics of responsibility for preserving life: general human and philosophical aspects of bioethics // Modern research in the field of social and humanitarian sciences. Collection of scientific research results. Kirov, 2018, pp. 383–387.
6. *Shapoval G.N.* Images of evil in artistic culture. Thesis. Rostov-on-Don, 2002.
7. *Ageeva N.A., Shapoval G.N., Vlasova V.N., Kartashova E.A., Safronenko A.V., Sidorenko Yu.A.* High level of legal awareness formation in medical students. Way from competencies to competence // *Espacios*. 2019. Vol. 40. No. 9, p. 11.
8. *Ageeva N.A., Wiegel N.L., Shapoval G.N.* Semantic algorithms of bioethics // *Bioethics*. 2019. No. 2 (24). P. 6-11.
9. *Chion, Michel, Claudia Gorbman, and Walter Murch.* Audio-Vision: Sound on Screen. New York: Columbia UP, 1994. Print.
10. *Cavarero Adriana.* For More Than One Voice: Toward a Philosophy of Vocal Expression / Trans. Paul A. Kottman. Stanford: Stanford UP, 2005. Print.
11. *Kartashova E.A.* Philosophic base of bioethics // Modern problems of economics and society. Collection of scientific articles dedicated to the 20th anniversary of the memory of V.V. Leontyev. Volgograd, 2019. Pp. 26–29.

24 января 2021 г.